

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)+94(517)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-196-208>

Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.)

© Н. Хишигт^а, Л.В. Курас^б, Б.Д. Цыбенков^б

^а Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, г. Улан-Батор, Монголия

^б Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются события, связанные с поездкой монгольских революционеров в 1920 г. в ДВР и Советскую Россию. В частности, авторы изучают ряд малоизученных вопросов, включая роль советских представителей и бурятских деятелей в организации помощи монгольской делегации. Особое внимание уделено пребыванию монгольских революционеров в городах ДВР – Троицкосавске и Верхнеудинске. Контакты с уполномоченным НКВД России в Монголии О.И. Макстенеком и председателем Совета министров ДВР Б.З. Шумяцким укрепили веру монгольских делегатов в правильности выбранного революционного пути. Выяснено, что в Иркутске монгольские делегаты, рассчитывавшие на официальное письмо от имени Богдо-гэгэна о восстановлении автономного статуса Монголии, потерпели фиаско. С другой стороны, под влиянием ведущих иркутских революционеров первая монгольская «семерка» полностью встает на путь революционной борьбы. Именно в Иркутске монгольские делегаты начинают осознавать серьезность и необходимость советских революционных идей и их возможность внедрения на территории Монголии. Часть монгольской делегации продолжает продвижение в Омск и Москву, где встречается с членами Сибирского бюро ЦК РКП(б), руководством НКВД, Политбюро ЦК РКП(б). Как показывают данные, большую роль в продвижении идей монгольской революции сыграл бурятский деятель Э-Д. Ринчино, представивший Монголию членам Политбюро ЦК РКП(б) как революционный плацдарм для продвижения мировой революции на Восток.

Ключевые слова: монгольская делегация, Дальневосточная республика, Советская Россия, Монгольская народная партия, письмо Богдо-гэгэна, О.И. Макстенок, Б.З. Шумяцкий, Э-Д. Ринчино, революция

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-МинОКН (Монголия) проект № 19-59-44004\19 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.).

Информация о статье: Дата поступления 15 февраля 2020 г.; дата принятия к печати 10 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Хишигт Н., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 196–208. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-196-208>

The roads of hope and aspiration (Mongolian delegation in the Far Eastern Republic and Soviet Russia in 1920)

© Norovsambuu Khishigt^а, Leonid V. Kuras^б, Bazar D. Tsybenov^б

Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaator, Mongolia

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article examined the trip of the Mongol revolutionaries in 1920 to the Far Eastern Republic and Soviet Russia. The authors study the role of Soviet representatives and Buryat political actors in organizing assistance to the Mongolian delegation. The article analyzes the stay of the Mongol revolutionaries in the cities of the Far Eastern Republic – Troitskosavsk and Verkhneudinsk. The Mongolian delegates had contacts with the representative of the People's Commissariat of Foreign Affairs of Russia in Mongolia O.I. Makstenek and Chairman of the Council of Ministers of the Far Eastern Republic B.Z. Shumyatsky. The Mongolian delegation hoped for an official letter on behalf of Bogdo-gegen on the restoration of the autonomous status of Mongolia. However, the Soviet revolutionaries did not support the idea of restoring theocratic monarchy in Mongolia. The Mongolian delegates realized the seriousness and necessity of Soviet revolutionary ideas, and their possibility of implementation in Mongolia. Part of the Mongolian delegation continued its advance to Omsk and Moscow. They met with members of the Siberian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks, with the leadership of the People's Commissariat of Foreign Affairs, with members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(B.). Buryat politician E.-D. Rinchino showed Mongolia to the members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(B.) as a revolutionary bridgehead for advancing the world revolution to the East.

Keywords: Mongolian delegation, the Far Eastern Republic, Soviet Russia, Mongolian People's Party, Bogdo-gegen's letter, O.I. Maxtenek, B.Z. Shumiatski, E-D. Rinchino, revolution

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research – Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia “The Mongolian Revolution of 1921 in the Mirror of the Transnational History of the Mongolian World” (on the 100th anniversary of the Mongolian Revolution of 1921), project No. 19-59-44004\19.

Article info: Received February 15, 2020; accepted for publication March 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Khishigt N., Kuras L.V., Tsybenov B.D. (2020) The roads of hope and aspiration (Mongolian delegation in the Far Eastern Republic and Soviet Russia in 1920). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 196–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-196-208>

События 1920 г. имеют важное значение в истории Гражданской войны в России. В истории Монголии 1920 г. также был ключевым, в этом году была создана Монгольская Народная Партия (МНП), программа которой была ориентирована на помощь Советской России в борьбе против китайских оккупантов. Идея изгнания китайских войск зрела в различных слоях монгольского общества. Но осознавая, что своими силами они не добьются осуществления поставленной цели, монголы возлагали надежды на помощь извне (Курас, 2017а. С. 79). Оккупационный режим и репрессии вызвали волну всеобщего недовольства. Как отмечает А.С. Железняков, «вокруг Богдо-гэгэна начали оформляться всевозможные группировки и тайные кружки различной ориентации. В них готовились обращения за помощью к правительствам Советской России, США и Японии» (Железняков, 2016. С. 202).

Интерес Советской России к установлению связей с Монголией, с одной стороны, был обусловлен непосредственной географической близостью. С другой стороны, интерес основывался на

ряде факторов. Во-первых, советские деятели, равно как и предыдущие поколения царских чиновников и дипломатов, четко осознавали стратегическое значение Монголии. Во-вторых, вектор мировой революции неумолимо смещался с Запада на Восток, поэтому в деле распространения коммунистических идей Монголии отводилась роль своеобразного плацдарма революции на Азиатском материке. В-третьих, интерес к Монголии подогревался экономическим фактором, который в общих словах сводился к возмещению огромных потерь в Гражданской войне за счет монгольских ресурсов. Все это привело к тому, что, начиная с 1918 г., Советская Россия не раз делала заявления о своей готовности к налаживанию дружественных контактов с соседней страной (Хишигт, 2011а. С. 29).

В России было хорошо известно об активной работе подпольных кружков, поддерживаемых русским революционным комитетом и управой. Партийные и государственные органы РСФСР и ДВР не просто собирали информацию, они стремились всемерно содействовать монголам в борьбе с ки-

тайскими захватчиками, а в более широком плане – в утверждении в стране революционных начал.

В марте 1920 г. в Урге произошло знаменательное событие – из пределов Китая прибыл ответственный сотрудник Сиббюро ЦК РКП(б) Н.Г. Буртман. Он ехал в Советскую Россию, через пределы Китая и Монголии огибая районы Дальнего Востока, захваченные белогвардейцами. Прибыв в Ургу, Буртман вступает в взаимодействие с местной русской колонией, в первую очередь с революционерами. Через них он налаживает контакты с членами монгольских подпольных кружков. Заслуга Н.Г. Буртмана состояла в том, что он грамотно объяснил революционерам политику большевистской партии, ее идеи и принципы. Особое внимание он уделял идеям равноправия граждан и народов, оказанию помощи большевиками национально-освободительным движениям (Базаров, Жабаева, 2008. С. 181). Надо заметить, что Н.Г. Буртман, очевидно, был первым большевиком, встречавшимся с будущим основателем КПК, профессором Ли Дачжао. Из биографии Буртмана известно, что в годы студенчества в Харбине был одним из активных издателей подпольной молодежной газеты. Зимой 1919–1920 гг. он вместе с несколькими другими молодыми большевиками отправился из Тяньцзиня в направлении Байкала, куда должна была выйти Красная Армия (Казанин, 2009. С. 44, 193).

Другое, не менее важное событие в общественно-политической жизни Монголии произошло в мае 1920 г., когда в Урге появились советские деятели, возглавляемые сотрудником Сибирского бюро партии С.С. Борисовым. Карьера Борисова на тот период находилась на взлете, спустя некоторое время он становится заведующим монголо-тибетским отделом секции восточных народов Сиббюро (Рошин, 1999. С. 29). После этих вышеотмеченных знаменательных встреч имели место и другие значимые мероприятия в Урге с участием советских организаций Сибири. Начало взаимодействия с советскими деятелями было с радостью встречено членами монгольских подпольных кружков Урги. К монгольским революционерам приходило понимание необходимости установле-

ния более тесных контактов с Советской Россией. Именно Россия воспринималась в качестве надежного союзника, готового оказать реальную помощь в обретении независимости страны (Хишигт, 2011а. С. 29). Решение о направлении делегации в Россию для переговоров тогда приняло уже конкретные очертания.

Для скорейшей реализации поставленной цели 25 июня 1920 г. на Учредительном собрании МНП было принято решение отправить делегацию в Советскую Россию, сначала С. Данзана и Х. Чойбалсана, за ними – Д. Бодо и Д. Чагдаржава, а чуть позднее – Д. Сухэ-Батора, Д. Догсома и Д. Лосола.

По нашим данным, в июне 1920 г. начал свою деятельность уполномоченный НКВД России в Монголии О.И. Макстенок (Хишигт, 2017. С. 17). Он не был пропущен китайскими властями в Ургу и вынужден был остановиться на границе, в Троицкосавске. Вынужденная остановка в российско-монгольском приграничье не смутила старого большевика. Обустроившись в Троицкосавске, Макстенок занялся исполнением своих прямых обязанностей, куда входило налаживание связей с монгольскими революционерами, оказание им всемерной помощи, включая взаимодействие с органами и представителями власти Советов (Рошин, 1999. С. 27–28). Советское консульство в Троицкосавске, где работал Макстенок, располагалось в доме, который позже был известен как дом № 37 по улице Сталина. В 60-е гг. XX в. в этом здании располагалась городская гостиница (Тугутов, 1960. С. 24). Троицкосавск в годы Гражданской войны несколько раз переходил из рук в руки. Большевики сменялись белогвардейцами, затем китайскими войсками из соседнего Маймачена. К тому времени в Троицкосавске еще была свежа в памяти народа страшная трагедия, учиненная семеновцами в «Красных казармах» в декабре – январе 1919–1920 гг. (Необычайная Кяхта, 2013. С. 162–163; Цыбенков, Курас, 2018. С. 48).

Архивные документы, историческая и мемуарная литература свидетельствуют, что уполномоченный НКВД РСФСР О.И. Макстенок был первым официальным лицом, принимавшим монгольских делегатов. Об его работе с монголами можно уз-

нать из доклада «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О.И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», заверенная копия которого хранится в Центральном архиве внешних сношений Монголии. В докладе говорилось, что организационная работа О.И. Макстенека началась со знакомства с отдельными членами Монгольской Народной партии, а именно с Данзаном и Чойбалсаном, прибывшими к нему с письмом М.И. Кучеренко в середине 1920 г. (Центральный архив внешних сношений Монголии (ЦАВСМ). Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 594. Л. 48.).

Вышесказанное значительно дополняется материалами «Краткой истории возникновения национальной революции монгольского народа», одним из авторов которой был Х. Чойбалсан. Так, в нем подчеркивается, что Данзану и Чойбалсану было поручено «...встретиться с консулом Макстенеком, получить указание о дальнейшем пути, по пребыванию на отправленное им место ставить его в известность о своих делах с дальнейшей передачей в Ургу».

В упомянутой книге Чойбалсана имеется и описание внешности Макстенека как высокого, широкоплечего мужчины около 40 лет с коротко стриженными седыми волосами (Хишигт, 2017. С. 17). В мемуарах М.И. Казанина отмечается, что «...это был пожилой, серьезный латыш, некий Макстенека, которому нелегко было ступать перед нашей миссией...» (Казанин, 2009. С. 55).

Представившись Макстенеком, он спрашивал гостей, откуда и зачем они прибыли к нему. Тогда Данзан и Чойбалсан показали письмо Гембаржевского и Кучеренко (Хишигт, 2011b. С. 154; Наранжаргал, 2015. С. 32), после чего уполномоченный Советской России сказал, что он был осведомлен о делах монголов и, узнав теперь о цели приехавших, должен отправить их в Верхнеудинск. При этом он советовал им быть очень осторожными, так как в городе много китайских войск. В ожидании парохода из Верхнеудинска, Данзан и Чойбалсан пробыли еще несколько дней в Троицкосавске, и за это время ежедневно бывали у О.И. Макстенека и занимались приготовлением к дальнейшей поездке. В целом, из книги следует, что Макстенека

вплотную занимался вопросами отправления Данзана и Чойбалсана, находясь в прямой связи с председателем Совета министров Дальневосточной республики Б.З. Шумяцким, своевременно его информировал. Потому он отправил монголов без сопроводительного письма, дав лишь адрес, по которому они должны были прийти в нужное место (Хишигт, 2017. С. 17). Что касается личности О.И. Макстенека, то о нем имеется мало данных. Его имя, по всей вероятности, указано в мартирологе жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг. В нем говорится, что О.И. Макстенека, 1874 года рождения, уроженец Валкского уезда (Латвия) был арестован 19 февраля 1938 г. по обвинению в том, что являлся активным участником контрреволюционной группы латышей, руководителем которой был Ян Рудзутак. До ареста он работал директором детского дома, санаторий имени ВЦИК в Солнечногорском районе. Был приговорен к расстрелу 29 июня 1938 г., приговор приведен в исполнение 20 августа 1938 г. Реабилитирован 30 июля 1960 г.¹

Следующие делегаты – Д. Бодоо и Д. Чагдаржав прибыли в Троицкосавск в начале августа. По неподтвержденным данным, вместе с ними ехали С.С. Борисов и Ц.-И. Дашепылов (Хишигт, 2011b. С. 155; Наранжаргал, 2015. С. 32). При встрече с Уполномоченным, Бодоо и Чагдаржав вручили ему документ под названием «Обращение от представителей монгольского народа и Народно-революционной партии Внешней Монголии».

В русском переводе указанного обращения от 2 августа 1920 г., с указанием г. Троицкосавск, говорилось, что «...в результате соглашения в Советскую Россию отправляется правомочная делегация от всего монгольского народа с целью установления прочной связи между революционным народом Российской Республики и Монголией, выясне-

---

¹ Мартиролог жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?id=10371&t=page> (24.01.2020).

ния отношения Советской власти к Монголии в ее борьбе за освобождение». Далее выражалась надежда на Уполнаркоминдела и на его содействие в осуществлении их стремлений. Следует отметить, что в годы строительства социализма в МНР, в 50–70-е гг. XX в., исторические события 1920–1921 гг. были во многом искажены (Грайворонский, 2013. С. 202). Авторство отдельных документов оспаривается монгольскими историками и до сих пор находится в процессе объективного установления.

Третья группа монгольских делегатов прибыла в Троицкосавск 8 августа 1920 г. В ее составе находились Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол (Хишигт, 2017. С. 18). Делегация была встречена О.И. Макстенеком и представителем Дальневосточного секретариата Коминтерна И.А. Сорокиным (Кравцов, 1977. С. 164). Она привезла с собой главный документ – «Письмо князей и лам Внешней Монголии», дословный перевод, которого на русский язык был сделан секретарем Уполнаркоминдела в Урге Ц. Балмасу, а перевод с текстом оригинала сверял Э-Д. Ринчино (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 7). К тому времени он принимал активное участие в борьбе с белогвардейцами. В частности, Ринчино известен как один из организаторов «Кульского переворота» и помощник начальника партизанского штаба (с. Кульское Хоринского аймака)². С «Письмом князей и лам Внешней Монголии» монгольская делегация, прибыв в Иркутск, обратилась к Сибирской миссии ЦК РКП(б) и Советскому правительству.

Таким образом, с 4 июля по 10 августа 1920 г. Троицкосавск стал местом приема трех групп монгольских делегатов, где они встречались с Уполномоченным НКВД РСФСР и с его помощью направлялись в Верхнеудинск, бывший в то время столицей ДРВ.

Местом встречи трех групп монгольских делегатов в августе 1920 г. стал г. Верхнеудинск. В ранее упомянутой книге Чойбалсана подчеркивается, что первых монгольских делегатов принял председа-

тель Совмина ДВР, секретарь Дальневосточного бюро РКП(б) Б.З. Шумяцкий, который ознакомившись с целями приезда монголов, попросил подождать решения и посоветовал в случае надобности общаться с ним через сопровождающего их бурята. Заметим, что карьера Б.З. Шумяцкого после встречи с В.И. Лениным в июле 1919 г. находилась на взлете, в 1919–1920 гг. он занимает посты председателя Тобольского уездного, Тюменского и Томского губернских ревкомов, с мая 1920 г. – председателя Совета министров и министра иностранных дел ДВР, с конца 1920 г. он возглавляет Енисейский губернский исполком (Иванов, Кузнецов, 2018. С. 22).

Время неумолимо шло. Хотя за это время партийцы в Урге получили от Данзана и Чойбалсана шифротелеграмму «об успешности дел», в действительности же они долгое время оставались в полном неведении и больше месяца они провели в Верхнеудинске (Хишигт, 2017. С. 18).

Причины столь долгого ожидания могут быть объяснены следующим образом: во-первых, Сиббюро ждало информации от С.С. Борисова и Ц.-И. Дашепылова, поехавших в Ургу для ознакомления с положением Народно-революционной партии;

во-вторых, по советской линии стремились ознакомить представителей НРП Монголии с опытом и методами революционной работы;

в-третьих, Б.З. Шумяцкий, как глава буферного государства, не имел полномочий принять собственное решение и ждал указаний от соответствующих органов Советской России (Хишигт, 2017. С. 18; Наранжаргал, 2015. С. 32).

В условиях, когда от успехов первых посланцев зависел дальнейший путь монгольских делегатов, позиция руководителя ДВР очень встревожила Данзана и Чойбалсана, и они, следуя данному им при выезде из Урги указанию «...привлечь из бурят-монголов в партию и найти людей для дела», обратились к Б.З. Шумяцкому с просьбой вызвать Ц. Жамцарано и Э-Д. Ринчино. Выбор был случайным, так как Данзан и Ринчино в 1915–1916 гг. вместе работали в экспедиции монголоведа С.А. Козина и П.А. Витте, а Ц. Жамцарано был из-

² Э-Д. Ринчино [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ринчино,_Элбек-Доржи (15.01.2020).

вестен в кругу монгольских патриотов еще со времени его службы в Монголии (Хишигт, 2017. С. 19).

В целом, надо сказать, что встреча с руководителем ДВР Б.З. Шумяцким имела большое значение для монгольских делегатов, так как тем самым, с одной стороны, окончательно выяснилась позиция буферного государства, а фактически Советской России по отношению к Монголии, а с другой – стал очевиден переход монгольского вопроса в директивные органы Советской России. Дело начало двигаться. Не случайно в дальнейшем Б.З. Шумяцкий сыграл важную роль в установлении необходимых контактов, участвовал во всех последующих событиях, связанных с делом монгольской революции и укрепления российско-монгольских отношений в 1921 г. Его перу принадлежат более 20 трудов по Монголии, среди которых немало интересных суждений и фактов по узловым проблемам монгольской революции 1921 г., а он сам награжден монгольским орденом «Красного Знамени» № 1 (Грайворонский, 2012. С. 316). Сохранилось описание Б.З. Шумяцкого в мемуарах С.А. Далина от 1921 г.: «...ходил он в военной форме, в длинной кавалерийской шинели и буденовке. Больше половины своей жизни он успел уже отдать боевой партийной работе...по сравнению с ним мы были еще юнцами. Несмотря на все это, Шумяцкий говорил с нами как равный с равными. Вместе с тем всегда чувствовалось, что победа Октябрьской революции, разгром колчаковщины – это и его личная победа, ибо с революцией была неразрывно связана вся его жизнь. Он ходил с высоко поднятой головой, что придавало его лицу выражение важности, хотя на самом деле это был простой и доступный товарищ» (Кузьмин Ю.В., 2014. С. 362).

Так, путь монгольских делегатов в Советскую Россию лежал через города ДВР, где им исключительную помощь оказывали Уполномоченный НКВД О.И. Макстенек, глава ДВР Б.З. Шумяцкий и бурятские деятели.

16 августа 1920 г. монгольские делегаты прибыли в г. Иркутск. Главным документом, на который они возлагали большие надежды, было письмо с печатью Богдо-гэгэна. Однако к тому времени

ситуация в Сибири резко изменилась: Омское правительство Колчака ушло в небытие, сама Монголия находилась под китайскими оккупантами. Соответственно, Монголия фактически находилась под властью Китая, и Советской России было не просто рассматривать ее в качестве самостоятельного международного актора. В то же время появились видимые признаки улучшения советско-китайских отношений, что не могло не повлиять на отношение советского руководства к монгольской делегации. В свою очередь, китайские власти были довольны внешней политикой России на восточном направлении, в частности отказом страны Советов от протектората над Монголией. В целом, ситуация на момент приезда монгольской «семерки» складывалась не самая благоприятная, что в дальнейшем выразилось в действиях советского руководства. Парадоксальность сложившейся обстановки заключалась в том, что главный документ – письмо Богдо-гэгэна – не заинтересовал советские власти, что было несколько неожиданно для монгольских делегатов. Неожиданным и радостным для них явилось большое внимание советского руководства к их личностям и подпольно-революционной деятельности (Курас, 2016b. С. 181). Однако главная цель монгольской делегации – получение советской помощи в деле восстановления теократической монархии Богдо-гэгэна – не была достигнута. Письму Богдо-гэгэна монгольские революционеры придавали большое значение (Кузьмин С.Л., 2015. С. 125). В первую очередь, речь шла о независимости Монголии, поэтому монгольские делегаты были готовы на многое, чтобы получить заветную помощь в борьбе против китайских милитаристов, захвативших страну.

Монгольские делегаты (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Бодо, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан и Сухэ-Батор) к тому времени были людьми, пропитанными национально-освободительным веянием; имевшими за своими плечами тяготы цинского периода, успехи новой жизни в период Богдо-гэгэновской монархии, знакомство с революционными идеями. В принципе, эта группа монгольских патриотов была готова к созданию новой монгольской власти. Ошибка правительства Богдо-гэгэна на

тот момент заключалась в том, что оно в свое время не признало Советское государство. Ныне, находясь под гнетом китайских милитаристов, было не совсем уместно просить о помощи государство, которое считалось непризнанным богдо-гэгэновским правительством. Эта ситуация отразилась и на приеме монгольской делегации. Международные протоколы советскими властями намеренно не соблюдались, тем самым давая понять, что Советская Россия не считает прибытие «семерки» официальной делегацией (Курас, 2017а. С. 75). Ситуация осложнялась отсутствием соответствующих полномочий на приеме делегации у местных региональных властей. Советское правительство также не было готово к установлению официальных контактов с Монголией. Результатом этих неясностей стала встреча не дипломатов, а революционеров в Иркутске (Батунаев, 2015. С. 115). Советские деятели на полном серьезе рассматривали территорию Монголии как стартовую площадку для раздувания очага мировой революции в восточном направлении, вплоть до Китая, Синьцзяна и Индии (Курас, 2016b. С. 181).

В то же время руководство Советской России и РКП(б) старалось не вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу в Монголии. Причины были следующими: во-первых, по мнению большевиков, революционный процесс в Китае вмещал в себя и аналогичные процессы в Монголии как составной части Китая. В советском руководстве того периода преобладало мнение о неотделимости Монголии от Китая. Во-вторых, мировое сообщество имело свою сложившуюся дипломатическую практику, нарушать которую Советская Россия также была не вправе. Хотя идея мирового «пожара» революции, прежде всего, была наступательной, предполагающей более решительные действия, России необходимо было на официальном уровне проводить более сдержанную осторожную политику. В свете этого становится понятно, почему монгольская делегация была обречена на неудачу. Советская Россия не могла выйти за рамки мировых дипломатических стандартов и устремиться восстанавливать автономный статус Монголии согласно Кяхтинско-

му договору 1915 г. (Курас, 2016b. С. 182; Курас, 2017а. С. 75).

Тем не менее региональные власти предпринимали те или иные меры, направленные на регулирование российско-монгольских взаимоотношений. Так, о необходимости устранения непонимания в отношениях между Россией и Монголией упомянул заместитель уполномоченного по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке, заведующий секцией восточных народов Сиббюро РКП(б) Ф.И. Гапон. Такое заявление он сделал 17 августа 1920 г. во время первой встречи с делегатами МНП. Дальнейшие шаги к российско-монгольскому сближению на революционной основе были сделаны 20 августа 1920 г. на организационном заседании Монголо-Тибетского отдела Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б). На нем присутствовали Д. Бодо и Х. Чойбалсан. Это заседание имело большое значение, поскольку отныне Монголо-Тибетский отдел отвечал за развитие и поддержку национально-освободительного движения Монголии (Хишигт, 2011а. С. 30). На заседании была утверждена коллегия Монголо-Тибетского отдела, а также выбран председатель – Э-Д. Ринчино. Представители МНП Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан вошли в состав агитационно-пропагандистского подотдела. Были приняты реальные шаги к развертыванию вооруженной борьбы под предводительством революционеров. Например, были приняты решения о командировании отдельных деятелей для подпольной работы в Монголии. Было запланировано командировать в Ургу одного из известных, патриотически настроенных бурятских деятелей – Ц. Жамцарано под псевдонимом Бегзеев, другого бурятского деятеля Ванчикова командировать в Маймачен. Таким образом, в августе 1920 г. произошли большие события, в последующем кардинально изменившие расстановку сил не только в регионе, но и в мире в целом. Август 1920 г. ознаменовался установлением взаимосвязи монгольских партийцев с Монголо-Тибетским отделом Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б). Впоследствии это взаимодействие переросло в линию «МНРП – Коминтерн. В этом взаимодейст-

вии большую роль играли представители бурятской интеллигенции. Они в большинстве своем были образованными, подготовленными специалистами, знали монгольский язык и письменность. Многие из них имели тесные культурные, торгово-экономические и другие связи с Монголией. Эти люди прекрасно знали страну, ее регионы, и будучи частью монгольского мира, желали создания суверенного Монгольского государства (Хишигт, 2011а. С. 30).

Пребывание в Иркутске резко отразилось на дальнейших действиях монгольской делегации. Произошло разделение делегации на три группы. Причины этого до конца не ясны. Первая – Д. Бодо и Д. Догсом вернулись в Монголию; вторая – С. Данзан, Д. Чагдаржав и Д. Лосол вместе с Э-Д. Ринчино направились сначала в Омск, в Сиббюро ЦК РКП(б), а затем в Москву для решения насущных проблем монгольской революции; а третья – Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан остались в Иркутске (Хишигт, 2011а. С. 30).

26 августа 1920 г. Ф.И. Гапон направил информацию о встречах с делегатами в Омск, председателю Сибирского Революционного комитета И.Н. Смирнову. В ней дано деление членов делегации на три группы: двое ориентируются на князей и лам, двое – на чиновничество, военных, торговцев; трое – на широкие массы. Нелестно высказался Ф.И. Гапон о Э-Д. Ринчино: «далеко ненадежный, сомнительный, не стесняющийся при переговорах вносить много своего собственного». По мнению Гапона, в Монголии назревала вспышка, и необходимо было привести организационное начало (Рощин, 1999. С. 32).

Оставшиеся в Иркутске Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан прошли обучение в военно-политической школе. Известно, что монгольские делегаты присутствовали на революционном празднике 29 августа 1920 г., организованном представителями Корейской коммунистической организации в Иркутске. На нем с речью выступил Сухэ-Батор. Посещение подобных мероприятий для формирования нового политического мышления делегатов было важным моментом в осознании себя и своей страны частью нового революционного мира. В этот

период они начинают работу по созданию первой газеты «Монгольская правда». 10 ноября 1920 г. в Иркутске был издан первый номер этой газеты. В газете были следующие рубрики: 1) монгольское революционное-демократическое движение; 2) Советская Россия; 3) революционное движение в Азии и в Китае; 4) мировое положение и III Интернационал (Матвеев, 2019. С. 185–186).

Большого успеха монгольская делегация добилась в Москве. Монгольские революционеры несколько раз встречались с руководством НКВД и в целом обратили на себя пристальное внимание соответствующих органов. Достижением можно считать приглашение Э-Д. Ринчино на заседание Политбюро ЦК РКП(б), где обсуждались бурятский и монгольский вопросы. Наряду с такими вождями как В.И. Ленин, И.В. Сталин и Н.И. Бухарин на заседании также присутствовали А. Доржиев – учитель Далай Ламы XIII и будущий полпред Коминтерна Т. Рыскулов (Курас, 2016b. С. 182). Активность монгольских делегатов-революционеров не могла не радовать зачинателей мировой революции, статус делегации заметно вырос. Советское руководство стало осознавать большую вероятность удачного исхода монгольского вопроса. Свидетельством этому явилось первоначальное финансирование монгольских революционеров, которое было довольно значительным (Курас, 2017а. С. 76). Идея автономии Монголии отклонялась большевиками в силу советско-китайского сближения, но в то же время появился новый образ коммунистической Монголии, который даже в виде монархии, был гораздо более реалистичен, чем грядущая борьба китайского пролетариата. Эти незримые веяния, витавшие в советском руководстве были точно подмечены и использованы Э-Д. Ринчино во благо зарождающейся монгольской революции (Курас, 2016b. С. 183). К тому времени в политическом багаже Ринчино было активное участие в общепурятских съездах, руководство органом национального самоуправления – Бурнацкомом, признанным советской властью. Он был одним из первых бурятских деятелей, теоретически обосновавших необходимость автономии бурятского народа (Жабаева, 2018. С. 162). Поэтому Ринчино не только сопро-

ждал делегацию в качестве переводчика, но и выступал как самостоятельная политическая фигура. В докладе от 1 сентября 1920 г. «Краткое изложение о положении дел во Внешней Монголии», где переплелись идеи большевизма и панмонголизма, он предложил принципиально новое видение места и роли Монголии в продвижении мировой революции на Восток. Э.Д. Ринчино представил Монголию как революционный плацдарм ввиду ее тесных связей с Маньчжурией, Китайским Туркестаном и Тибетом, а через последний – с Индией. Высокую оценку Э.Д. Ринчино дали и монгольские товарищи, выдав ему в апреле 1921 г. мандат Временного народно-революционного правительства Монголии о назначении полпредом Монголии в Советскую Россию (Курас, 2016b. С. 183).

Монголию между тем ожидали не лучшие времена. Барон Унгерн и его «Азиатская конная дивизия» 2 ноября 1920 г. перешла границу Монголии на одном из ее восточных участков (Хишигт, 2011а. С. 30). Известно, что когда Унгерн подступил к Урге, местное китайское командование обратилось за помощью к властям РСФСР и ДВР. Советское правительство тогда приняло решение удовлетворить эту просьбу. 6 ноября 1920 г. командование 5-й армии в Иркутске получило приказ о подготовке военной экспедиции против Унгерна, в которой предусматривался переход монгольской границы. 10 и 27 ноября Г.В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев. Но ответа от центрального Китайского правительства не последовало. Без согласия Пекина, а также учитывая угрозу вмешательства Японии, Советское правительство в 1920 г. не решилось на ввод своих войск в Монголию.

Тем временем Унгерн при помощи монголов 4 февраля 1921 г. освободил Ургу от китайских войск (Курас, 2017b. С. 79). Победа Унгерна над китайцами во многом была обеспечена монгольскими войсками, мобилизованными по указу Богдо-хана. Монгольская автономия, таким образом, была восстановлена. Однако реальная власть в стране фактически отошла к барону Унгерну – «освободителю» Монголии. К нему стремились разрозненные

белогвардейские части, отошедшие на территорию Монголии, а на севере сконцентрировались китайские войска. Сложившаяся ситуация в Монголии беспокоила монгольских революционеров. Оставшиеся в Иркутске делегаты МНП обратились 2 ноября 1920 г. в Секцию восточных народов и через нее к советским властям. В своем обращении они просили ввести советские войска в Монголию. Однако председатель Сибревкома И.Н. Смирнов отклонил их просьбу (Хишигт, 2011а. С. 30).

17 ноября 1920 г. в Иркутске состоялось совместное совещание советских и монгольских революционеров. На нем было принято решение о подготовке вооруженной борьбы против китайских войск в Монголии. Перед революционерами были поставлены задачи: провести разведку мест дислокации китайских войск и белогвардейских отрядов, вести пропаганду среди монгольского населения о необходимости вооруженной борьбы против иноземных захватчиков, проводить работу по объединению сил национально-освободительного движения, создать народно-революционную армию (Бат-Очир, Дашжамц, 1973. С. 117).

Советское правительство было верно данным обязательствам и в конце ноября 1920 г. передало Монголо-Тибетскому отделу 150 т серебра. Из этих средств С. Борисову было передано 40 т, а также 100 тыс. долл., оружие, обмундирование, провизия. Таким образом, конец 1920 г. ознаменовался появлением у монгольского народа реальных возможностей для осуществления желанной цели – освобождения страны от китайских милитаристов (Хишигт, 2011а. С. 30). Несмотря на сложные условия, МНП начала подготовку к вооруженной борьбе. В стране в то время находились многочисленные силы китайских войск и белогвардейских отрядов. Первые четыре полка в составе менее 400 чел., вступивших в ряды вооруженных отрядов из Кяхты и близлежащих трех караулов, хошунов Сумьяа-бэйсэ и Эрдэнэ-вана Түшэту-хановского аймака положили начало комплектованию вооруженных сил для борьбы за освобождение страны. Большое влияние на этот процесс оказали четыре фактора: во-первых, традиционное неприятие китайцев местным монгольским населением; во-

вторых, развертывание отрядов добровольцев на местах; в-третьих, активизация деятельности бывших военных в деле организации монгольской народно-революционной армии; в-четвертых, организаторские способности и полководческий талант Д. Сухэ-Батора (Хишигт, 2011а. С. 31).

События, происходившие в 1920 году в России и Монголии, были связаны между собой, а в их развитии и расширении большую роль сыграли города ДВР, политические деятели и бурятская передовая интеллигенция. Национальное движение в Монголии осуществлялось в обстановке оккупации китайскими милитаристами и русскими белогвардейцами во главе с Унгерном (Курас, 2016а. С. 79). Монгольский мир в условиях революционного подъема первой четверти XX в. все более проникался всеобъемлющим влиянием глобальных ре-

волюционных и национальных идей (Лиштованский, 2017. С. 184).

Руководство СССР в 1920 г. медлило с решением монгольского вопроса, поскольку обстановка для него была не самой лучшей. В то же время советские власти дальновидно решили помочь монгольским революционерам. Спустя некоторое время после захвата Урги бароном Унгерном, становится ясно, что в принципе и монгольские революционеры могут стать самостоятельной властью в своей стране. В резиденции О.И. Макстенека в Троицкосавске образовался связующий центр между монгольскими революционерами, советскими и коминтерновскими структурами. Приближалась весна 1921 г., а вместе с ней и победоносная Монгольская народная революция.

Библиографический список

Базаров Б.В., Жабаяева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (БНЦ СО РАН), 2008. 377 с.

Батунаев Э.В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии, 2015. 160 с.

Грайворонский В.В. К 125-летию со дня рождения Б.З. Шумяцкого // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1. С. 312–319.

Грайворонский В.В. Рецензия на: Н. Хишигт. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011. 299 т. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 2. С. 199–206.

Жабаяева Л.Б. Троицкосавск и Монголия: к истории сотрудничества в государственном строительстве монголов (1921 г.) // Кяхта – национальное достояние России. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2018. С. 161–165.

Железняков А.С. Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь мир, 2016. 288 с.

Иванов А.А., Кузнецов С.И. Борис Шумяцкий: на службе у мировой революции // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 2 (30). С. 14–27.

References

Bazarov B.V., Zhabaeva L.B. (2008) Buryat national democrats and socio-political thought of the Mongolian peoples in the first third of the XX century. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 377 p. (In Russ.)

Batunayev E.V. (2015) The struggle for the independence of the Mongolian state (1911–1921). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 160 p. (In Russ.)

Graivoronskii V.V. (2012) To the 125th anniversary of B.Z. Shumyatsky. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie* = Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Political Science. Religious studie. No. 1. P. 312–319. (In Russ.)

Graivoronskii V.V. (2013) N. Hishigt. Mongol Revolution: 1921 (study of the history of the Mongol People's Democratic Revolution). Ulaanbaatar: Bambi Sun Publ., 2011. 299 p. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* = East. Afro-Asian societies: history and modernity. Vol. 2. P. 199–206. (In Russ.)

Zhabaeva L.B. (2018) Troitskosavsk and Mongolia: on the history of cooperation in the state building of the Mongols (1921). *Kyakhta – natsional'noye dostoyaniye Rossii* = Kyakhta – the national treasure of Russia. Ulan-Ude: Buryat State University, 2018. P. 161–165. (In Russ.)

Zheleznyakov A.S. (2016) Mongolian civilization: history and modernity. The theoretical basis of the atlas. Moscow: Ves' mir. 288 p. (In Russ.)

Ivanov A.A., Kuznetsov S.I. (2018) Boris Shumyatsky: in the service of the world revolution. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of

Казанин М.И. Избранное. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 431 с.

Кравцов В.Т. Кяхта революционная (из истории города Кяхты и южного Прибайкалья в 1905–1923 гг.). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1977. 239 с.

Кузьмин С.Л. Первое письмо руководства Монголии к правительству Советской России июль 1920 // Исторический архив. 2015. № 6. С. 117–129.

Кузьмин Ю.В. Мемуары – исторический источник по истории Монголии первой четверти XX века // Россия и Монголия в начале XX в: дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. С. 359–366.

Курас Л.В. Панмонголизм в транснациональной истории монгольского мира первой четверти XX века // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016а. № 3 (23). С. 71–81.

Курас Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016б. 252 с.

Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века. Иркутск: Оттиск, 2017а. 188 с.

Курас Л.В. «Революция в Колчакии» и предпосылки монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск, 2017б. С. 76–81.

Лиштованный Е.И. Монгольский мир в условиях транснациональной истории первой четверти XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 3 (27). С. 182–184.

Матвеев А.А. Пребывание в Иркутске монгольских революционеров Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2019. С. 183–188.

Наранжаргал Н. Новые источники о первой монгольской делегации в СССР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2015. № 2. С. 31–34.

Необычайная Кяхта / автор-составитель Л.Б. Цыденова. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2013. 200 с.

Рошин С.К. Политическая история Монголии

the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No 2 (30). P. 14–27. (In Russ.)

Kazanin M.I. (2009) Selected works. Moscow: Monuments of historical thought. 431 p. (In Russ.)

Kravtsov V.T. (1977) The Kyakhta is revolutionary (from the history of the city of Kyakhta and the southern Baikal region in 1905–1923). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 239 p. (In Russ.)

Kuz'min S.L. (2015) The first letter of the leadership of Mongolia to the government of Soviet Russia July 1920. *Istoricheskii arkhiv* = Historical archive. No. 6. P. 117–129. (In Russ.)

Kuz'min Yu.V. (2014) Memoirs – a historical source on the history of Mongolia in the first quarter of the XX century. *Rossiya i Mongoliya v nachale XX v: diplomatiya, ekonomika, nauka* = Russia and Mongolia at the beginning of the 20th century: diplomacy, economics, science. Irkutsk. P. 359–366. (In Russ.)

Kuras L.V. (2016a) Pan-Mongolism in the transnational history of the Mongolian world in the first quarter of the XX century. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No. 3 (23). P. 71–81. (In Russ.)

Kuras L.V. (2016b) Transnational history of the Mongolian world in a revolutionary upsurge: the first quarter of the XX century. Irkutsk: Ottisk. 252 p. (In Russ.)

Kuras L.V. (2017a) Pan-Mongolism as a manifestation of the ethnicity of the Mongolian world in the first quarter of the XX century. Irkutsk: Ottisk. 188 p. (In Russ.)

Kuras L.V. (2017b) "Revolution in Kolchakia" and the premises of the Mongol revolution of 1921. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2017* = Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2017. Irkutsk. P. 76–81. (In Russ.)

Lishtovannyi E.I. (2017) The Mongolian world in the transnational history of the first quarter of the XX century. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No 3 (27). P. 182–184. (In Russ.)

Matveev A.A. (2019) Stay in Irkutsk of the Mongol revolutionaries D. Suhe-Bator and H. Choibalsan. *Dvenadtsatye Baikalskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya* = Twelfth Baikal Social and Humanitarian Readings. Irkutsk. P. 183–188. (In Russ.)

Naranzhargal N. (2015) New sources about the first Mongolian delegation to the USSR. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Science. Vol. 2. P. 31–34. (In Russ.)

Tsydenova L.B. (2013) Extraordinary Kyakhta. Ulan-Ude: Nova-Print. 200 p. (In Russ.)

Roshchin S.K. (1999) Political History of Mongolia

(1921–1940 гг.). М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. 325 с.

Тугутов Р.Ф. Исторические памятники г. Кяхты. Краткий путеводитель-справочник. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. 31 с.

Хишигт Н. Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой Российской революции: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию революционных событий в России и периода Гражданской войны и интервенции). Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2017. С. 14–23.

Хишигт Н. Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011а. № 3. С. 19–35.

Цыбенков Б.Д., Курас Л.В. Кяхта в огне гражданской войны (с 1917 по январь 1920 г.) // Кяхта – национальное достояние России. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. С. 45–49.

Бат-Очир Л., Дашжамц Д. Дамдингийн Сүхбаатар. Намтар / Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1973. – 278 х.

Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). / Н. Хишигт. – Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011b. – 299 т.

Критерии авторства

Н. Хишигт, Л.В. Курас, Б.Д. Цыбенков выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Хишигт Норовсамбуу,
кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Институт истории и этнологии Монгольской академии наук,

(1921–1940). Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN. 325 p. (In Russ.)

Tugutov R.F. (1960) Historical monuments of the city of Kyakhta. A brief guidebook. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 31 p. (In Russ.)

Khishigt N. (2017) The Great Russian Revolution of 1917 and the national liberation movement of the Mongols. *Sibir' v gody Velikoy rossiyskoy revolyutsii, posvyashchennoy 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiy v Rossii i periodu grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsii* = Siberia during the Great Russian Revolution, dedicated to the 100th anniversary of revolutionary events in Russia and the period of the Civil War and Foreign Intervention. Ulan-Ude: East Siberian State University of Management and Technology. P. 14–23 p. (In Russ.)

Khishigt N. (2011a) Restoring Mongolia's Independence in 1911–1921. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No. 3. P. 19–35. (In Russ.)

Tsybenov B.D., Kuras L.V. (2018) Kyakhta in the fire of the Civil War (from 1917 to January 1920). *Kyakhta – natsional'noye dostoyaniye Rossii* = Kyakhta – the national treasure of Russia. Ulan-Ude: Buryat State University. P. 45–49. (In Russ.)

Bat-Ochir L., Dashzhamts D. *Damdingiyn Sykhbaatar. Namtar*. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliyn gazar, 1973. (In Mongolian)

Khishigt N. *Mongolyn khuv'sgal: 1921 (Mongolyn yndesniy ardchilsan khuv'sgalyn tyykhiyg nekhen sudlak-huy)* [Mongol revolution: 1921 (study of the history of the Mongol people's democratic revolution)]. Ulaanbaatar: Bembi San Publ., 2011b. 299 p. (In Mongolian)

Attribution criteria

N. Hishigt, L.V. Kuras, B.D. Tsybenov completed a research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, have copyrights to the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Norovsambuu Hishigt,
Cand. Sci. (History), scientific secretary,
Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences,

13330, г. Улаанбаатор, район Баянзурх, проспект Мира,
д. 55, Монголия,

✉ e-mail: khishigt_58@yahoo.com

Курас Леонид Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, главный научный
сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, каб. 225, Россия,

✉ e-mail: kuraslv@yandex.ru

Цыбенев Базар Догсонович,

кандидат исторических наук, доцент, старший научный
сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, каб. 205, Россия,

✉ e-mail: bazar75@mail.ru

55, Peace avenue, Bayanzurkh district, Ulaanbaator, 13330,
Mongolia,

✉ e-mail: khishigt_58@yahoo.com

Leonid V. Kuras,

Dr. Sci. (History), Professor, Senior Research Scientist,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6-225, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670042, Russia,

✉ e-mail: kuraslv@yandex.ru

Bazar D. Tsybenov,

Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Research Fellow,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6-205, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670042, Russia,

✉ e-mail: bazar75@mail.ru